

ББК 81.0316

И.Ю. Усков

Историография проблемы происхождения топонима «Кемерово»

Ключевые слова: топонимика Западной Сибири; происхождение пашенных крестьян Кемеровых; историография городов Западной Сибири.

Key words: toponymica of the Western Siberia; origin of the Kemerov peasant's family; historiography of the Western Siberia towns.

27 марта 1932 г. президиум ЦИК СССР своим постановлением удовлетворил ходатайство президиума ВЦИК о переименовании города Щегловска Западно-Сибирского края в Кемерово [1, с. 205]. Данным постановлением завершилась пятилетняя дискуссия о переименовании ещё достаточно молодого города (Щегловск получил статус города в 1918 г.), а на карте Советского Союза появился новый топоним. Обращала на себя внимание избранная форма, не характерная для городов, названия которых, как правило, оканчиваются на *-ск* (например: Томск, Новосибирск, Прокопьевск и т. д.).

Что же легло в основу нового топонима?

В решении властей по вопросу переименования города Щегловска решающее значение приобрел народнохозяйственный фактор. Действующий с 1907 г. *Кемеровский рудник* 12 ноября 1928 г. постановлением ВЦИК включенный в состав города Щегловска [2, л. 68], являлся не только одним из основных предприятий города, но и всего Кузбасса. Рудник (получивший название от близлежащей *деревни Кемеровой*) дал название городу. В ходатайстве президиума Западно-Сибирского крайисполкома ВЦИК от 5 декабря 1930 г. подчеркивалось: «считать вполне обоснованным и новое наименование города, характеризующим местные богатства, так как туземное слово «КЕМЕР» в переводе на русский язык обозначает «уголь» [3, л. 72].

Итак, местное природное богатство – угольное месторождение, дало название сначала руднику, а затем городу. До конца 1950-х гг. в местной историографии именно так и объяснялся топоним: от искаженного тюркского слова КИМ-РВА – «горючий камень» [4, с. 16; 5, с. 13; 6, с. 6].

В 1959 г. выходит «Словарь местных географических терминов» Э.М. и В.Г. Мурзаевых. В нем авторы указывают, что тюркский термин «кемер, кемир» обозначает «берег, утес, обрыв», и в качестве одного из примеров получившего название от термина приводят город Кемерово и Кемеровскую область [7, с. 108]. Так как угольные пласты Кемеровского месторождения, выходя на поверхность, образуют крутой обрыв правого берега реки Томи, данная версия получила

в дальнейшем широкое распространение в местной историографии.

Наконец, в это же время фиксируется и третья версия объяснения топонима Кемерово – от фамилии Кемеров. Под художественным пером писателя В. Рехлова рудознавец М. Волков встречается с молодым татаринном Темиром, жителем ближайшего улуса верхономских татар, от которого пошел род Темировых-Кемеровых [8, с. 163–164].

Объяснение топонима через фамилию фиксировалось фактом проживания граждан с фамилией Кемеровых и материалами диалектологических экспедиций, организованных кафедрой русской языка Томского государственного университета. Причем носители фамилии полярно трактовали возможность названия города через свою фамилию. Так, по мнению информатора членов экспедиции: «Кемерово по фамилии названо. Кемерова дочь была за Москалевым Нефед Ивановичем в Старых Червях» [9, с. 120]. С другой стороны, по воспоминаниям (1957 г.) партийного и советского работника Александра Федотовича Кемерова: «Утверждение деда, а потом и мои более или менее основательные изыскания свидетельствуют именно о не распространенности этой фамилии, а отнюдь не наоборот, как утверждают наши местные, с позволения сказать, историки. Многие из молодых, как мне известно, утверждали, что деревушка Кемерово ранее состояла исключительно из Кемеровых – жителей этой деревни. На самом же деле в деревне Кемеровой не было ни одного жителя с фамилией по имени этой деревни» [10, л. 19].

Появившиеся версии в объяснении топонима учитывают во 2-м издании своей книги (1962 г.) И.А. Баблиалов. Отвергая предположение о названии деревни Кемерово по имени первопоселенца (что отставал до конца своей жизни), автор пишет о первоначальном нахождении в устье речки Акаевой улуса Темирово (с тюркского – «железный»), а затем русской деревни Кемерово, расположенной рядом с угольным обрывом («кемиром») [11, с. 42–43; 12, с. 68].

В.А. Никонов в 1966 г., отмечая в основе топонима тюркское «кемер» (со ссылкой на словарь Мурзаевых), допускает возможность образования через личное имя [13, с. 186]. Характерно, что мнение Никонова, в свою очередь повлияло на точку зрения Э.М. Мурзаева, который позднее отметил: «оформление на *-ово* позволяет думать о топонимическом переходе через личное имя» [14, с. 248].

Рубеж 1960–1970-х гг. можно считать окончанием определенного этапа в историографии изучаемой проблемы. На нем кристаллизуются изложенные выше три точки зрения в объяснении топонима «Кемерово». Характерной чертой всех выдвинутых версий являлось то, что они были построены исключительно на лингвистическом материале, исторические источники по заселению и освоению региона авторам оставались неизвестными, что, кстати, отразилось в словарной статье про город Кемерово в 3-ем издании «Большой Советской энциклопедии» с легендарными сведениями о времени образования деревень Щеглово и Кемерово (последняя якобы в 1863 г.) [15, с. 34].

В начале 1970-х гг. филолог И.А. Воробьева обратила внимание, что деревня Кемерово упоминается в 1734 г. в «Реестре деревням от Кузнецка вниз по Томи до Томска» С.П. Крашенинникова, помощника Г.-Ф. Миллера, участников второй Камчатской экспедиции, и пришла к выводу, что по структуре и времени возникновения топонима деревня была названа по первому поселенцу [16, с. 126; 17, с. 30]. В это же время историком А.Д. Колесниковым отмечен факт фиксации переписью Томского уезда 1703 г. в Верхотомском остроге двора Степана Кемерово (Кемирова по записи) [18, с. 40].

После выхода работ западносибирских ученых версия происхождения названия деревни Кемерово от первопоселенца с аналогичной фамилией становилась наиболее убедительной. Для «чистоты эксперимента» требовалось найти указание на данный факт в материалах переписей. На это ушло еще два десятилетия. Наконец, В.А. Могильников в небольшой заметке сугубо специализированного журнала сообщает поистине бесценные для нас сведения (без ссылок на источник, так как заметка помещена редакцией в рубрике «Почта»): «Исследование в архиве древних актов в Москве показало, что деревня Кемерово названа по фамилии её основателя – Афанасия Степановича Кемерово. Его отец – крестьянин Степан Кемеров в конце XVII – начале XVIII веков жил в Верхотомском остроге, в ведомстве которого была основана эта деревня. В XVIII веке деревня Кемерово росла медленно. Дети Афанасия Степановича покинули её» [19, с. 127].

Казалось бы, все доказательства в пользу одной из версий налицо. Однако в общественном сознании восприятие города и угля как единого целого настолько глубоко укоренилось, что в краеведческой и художественной традиции сохранялась версия возведения топонима Кемерово к тюркскому термину «ким-рва» («горючий камень», «уголь») [20, с. 44; 21, с. 47; 22, с. 310]. Отметим также, что подвижник кузбасской топонимики В.М. Шабалин, перечисляя имеющиеся в литературе версии происхождения названия областного центра, отдавал предпочтение: от тюркского «кемер» – «склон горы, берег, обрыв» [23, с. 83; 24].

Таким образом, исторические сведения, введенные в научный оборот в 1970 – первой половине 1990-х гг.,

неопровержимо доказывают, что **топоним** (*географический объект*) Кемерово образован от антропонима (*фамилии*). Антропотопонимический ряд принимает следующий вид: крестьянин Кемиров – деревня Кемерово – Кемеровское месторождение – Кемеровский рудник – город Кемерово.

* * *

Решение поставленной задачи представляется неполным без анализа фамилии первопоселенцев Кемеровых. Кто они, откуда, что обозначает их антропоним? Насколько нам известно, в региональной историографии история рода верхотомских Кемеровых не получила сколько-нибудь полного освещения.

Попытаемся, опираясь на имеющиеся у нас многочисленные источники, восстановить начальную историю рода Кемеровых.

Первые сведения о представителях рода сообщает «Дозорная книга Томского уезда», составленная воеводой стольником Л.Р. Петрово-Соловово в 1703 г.: «Крестьянин Степан *Кемиров*. А по скаске его детей у него сын Антон 15 лет, Афанасей 10 лет. А на великого государя десятинные пашни пашет он по полдесятине в поле, а в дву по тому ж, да на себя он пашет пашни в той же окружной меже по три десятины в поле, а в дву по тому ж, сена косит по 360 копен и с той своей пахаты платит он в казну великого государя отсыпного хлеба по книгам Степана Тупальского по осминке ржи овса, то ж в казенную четверопудную меру, да он же платит ямских по десяти денег в год» [25, л. 525].

Материалы переписи 1720 г. по Верхотомскому острогу утрачены, и следующую запись о представителях рода мы встречаем в исповедных росписях Вознесенской церкви села Верхотомского за 1742 г. Здесь в составе прихожан-«пашенных крестьян», находившихся на исповеди, под №191 значится Петр Афанасьев сын *Темиров* 32 лет, жена его Ирина Петрова 25 лет, дети их: Никита 6 лет, Матвей 2 лет и мать его крестьянская вдова Екатерина Иванова 55 лет с дочерью девицей Федосьей 18 лет [26, л. 215]. Его умерший отец, государственный крестьянин Афанасий Степанович, и был основателем (до 1734 г.) деревни Кемеровой [27, л. 449].

В этих начальных сведениях первой половины XVIII в. фамилия фиксируется двояко: Кемировы–Темировы. Это подтверждается написанием в источниках XVIII в. названия деревни как *Темирова*. Например, в 1781 г. крестьянин Новиков указал о нахождении железной руды (сферосидерита – подчиненной толще угленосных отложений прослойки руды) между деревнями Темировой и Красноярской [28, с. 53]. То, что деревня Кемерово имела название Темирова, указал и горный инженер В.Н. Мамонтов [29, с. 7]. Двоякость антропонима, как и топонима, объясняется «народной» этимологией, когда он, утерев свой прежний смысл, подвергался вторичному осмыслению.

Кем же был поселившийся в начале XVIII в. в Верхотомском остроге крестьянин Степан Кемиров (судя по возрасту детей, примерно 1660–1665 года рождения)? К сожалению, определить первоначальное место проживания крестьян, в отличие от служилых людей, очень сложно. Возможны более или менее продуктивные предположения.

В историографии укрепилось мнение о тюркском происхождении первопоселенца. Однако, несмотря на очевидное лингвистическое соответствие антропонима, версия о происхождении Степана от местного татарского населения не находит подтверждения в источниках.

На «Чертеже земли Томского города» (1698 г.) С.У. Ремезова в районе современного областного центра ни на правом, ни на левом берегах Томи не указаны поселения аборигенного населения [30, л. 13]. С.П. Крашенинников в упоминавшемся «Рее-стре» 1734 г. о поселениях крещеных татар в районе Верхотомского острога указывает только Кучюковы юрты на левом берегу Томи (от деревни Кемеровой в 2 верстах; по местоположению поселения в двух верстах выше деревни Мозжухиной, заключаем, что в дальнейшем за ними закрепилось название – улус Мозжуха) [31, с. 43]. Г.-Ф. Миллер перечисляет деревню Кемерову «в 8 верстах от острога, на восточном берегу [Томи], на устье рч. Акаевой» среди *русских деревень* Томского уезда [32, с. 94]. Таким образом, «Темиров улус» является всего лишь историографическим фантомом, а не историческим фактом. Поэтому считаем нецелесообразным приводить в учебных пособиях, предназначенных для школьников, фрагменты из повести В. Рехлова о происхождении Кемеровых, без какого-либо научного комментария [33, с. 46–47].

Не мог быть Степан и выходцем из Темерчинской волости («темерчи» по-татарски значит «кузнец» [34, с. 97]), располагавшейся по Оби, выше устья Томи. З.Я. Бояршинова перечислила все восемь причин неуплаты ясака, встречавшиеся в ясачных книгах [35, с. 96]. Среди них нет случаев перехода ясачных в русские селения. А самым главным доказательством этого служит то, что в исповедных росписях потомки Степана указаны среди «пашенных крестьян», а не среди «новокрещенных татар» прихода Вознесенской церкви.

Приведенные выше источники позволяют, на наш взгляд, утверждать, что *Степан Кемиров не являлся представителем аборигенного (тюркского) населения.*

Отвергая версию о происхождении Степана Кемирова от местного татарского населения, остается предположить, что его появление в Верхотомском остроге является следствием вольной крестьянской колонизации – основной причины увеличения численности русского населения Среднего Притомья во второй половине XVII – начале XVIII в.

Рассмотрим данную версию с точки зрения антропонимики.

Прежде всего необходимо определить, какая форма антропонима – Кемиров или Темиров – является исходной.

Практически на всех этапах истории взаимоотношение различных тюркских племен с русскими было достаточно тесным. Очень многие из тюркских (половецких) имен проникли в русскую антропонимию и топонимию [36, с. 94].

В основе антропонима Темиров лежит тюркское мужское имя Темур (Tīmūr) «прочный, стойкий», букв. «железо» (производные от него имена – Темир, Тимур) [37, с. 194–95]. Уже в русских летописях мы встречаем объяснение (под 6903 (1395) г.) имени великого восточного полководца Тимура: «и то ради прозван бысть Темир Аксак, темиръ бо зовется железо, аксак зовется хромец половецкым языком» [38, стлб. 447–448].

С.Б. Веселовский антропонимический объект «Темир, Темирев» характеризует как распространенный в источниках XV–XVII вв. Среди приводимых ученым примеров: Темир Михайлович, умер в 1546 г.; Дмитрий Иванович Темирев, писец, 1551 г., Двина; Темир Смирного Базаров, 1568 г., Ярославль; Темир Алалькин, 1572 г., Суздаль; Севрюк Темирев Корякин, 1578 г., Москва; Никита Темиров Комаров, 1608 г., Нижний Новгород; Обида Темирев Панов, 1604 г. [39, с. 12, 19, 152, 224, 283, 315; 40, с. 108].

Как видно, тюркское имя Темир как по территориальной, так и по социальной распространенности прочно входит в русскую антропонимическую систему как некалендарное имя. Причем производная от него форма отчества фиксируется как Темирев и Темиров, а фамилия как Темирев.

С присоединением к Российскому государству новых территорий расширяется и территория распространения антропонима. В наказе сургутским воеводам от 1598 г. упомянут атаман Темиръ Иванов [41, с. 26]. На Среднем Урале имя и фамилия известны с XVII в. Так, с 1670-х гг. в Камышловской слободе проживали братья Феофилакт и Исаак Арефьевичи Темиревы [42, с. 375].

Топонимический материал также свидетельствует о распространении антропонима. На современной карте Российской Федерации можно найти деревни Темерово в Псковской и Кировской областях, Большое Темерово в Ярославской области.

Между тем антропоним «Кемиров» в известной нам литературе не зафиксирован. Таким образом, можно предположить, что он является производной формой от антропонима «Темиров», а Степан – сыном крестьянина, носившего некалендарное имя Темир.

Однако данная версия уязвима прежде всего лингвистически. Как на стадии праславянского языка, так и в современных русских говорах характерен фоне-

тический переход заднебных согласных в переднебные, в частности *К* в *Т* [43, с. 42].

Первичность формы «Кеме(и)ров(а)» подтверждается и тем фактом, что только она используется в массовых документальных источниках XVIII – начала XX вв.: ревизских сказках, метрических книгах, материалах Кузнецкого уездного суда, списках населенных мест Томской губернии [44–48; 49, л. 48об.–49; 50, с. 109].

В то же время фиксация формы «Темиров(а)» очень редка, и характерна для народной среды (так, сведения о находке руды недалеко от деревни в 1781 г. зафиксированы в Горной экспедиции со слов находчика – крестьянина Новикова). Вследствие указанной «народной» этимологии в современной русскоязычной среде фиксируется название областного центра как Темерово (данный факт засвидетельствован и любезно сообщен автору заведующим лаборатории диалектологии Кемеровского государственного университета кандидатом филологических наук В.П. Васильевым).

Фонетический переход (происходящий в славянском языке) топонима «Кемерова» в «Темерова» совпал с наличием в тюркском языке слов с основой «кемер» и «темир». Это способствовало закреплению в краеведческой литературе реконструкции названия поселения русским населением сначала как «железный улус», а затем как «деревня, расположенная [рядом] с угольным обрывом».

Таким образом, есть основания полагать, что **антропоним «Кемиров» первичен антропонима «Темиров».**

По форме антропонима (с суффиксом *-ов*) заключаем, что Степан должен быть сыном крестьянина с прозвищем (так как подобного имени не существует) «кемир». В.М. Шабалин допускал возникновение фамилии Кемеровых от прозвища «Кемер» – «крутой берег» или «Комур» – «уголь». Однако данное прозвище (да ещё в тюркской транскрипции) не характерно для русской (и, вероятно, для тюркской [48, с. 292–300] антропонимической системы. Представляется, что в данном объяснении автор ставит антропоним в зависимость от топонима, тогда как в действительности было наоборот.

Возникает своеобразная патовая ситуация, когда этимология антропонима находится в противоречии с данными имеющихся источников об этносоциальном происхождении носителя данного антропонима. Будучи великороссом, Степан Кемиров носит тюркскую фамилию (что само по себе вполне допустимо), не имеющей удовлетворительной этимологии (отметим ещё раз, что по имеющимся источникам данная фамилия больше нигде не фиксируется). Выходом из создавшегося положения может являться предположение, что *форма антропонима как «Кемиров» вторична, существовала некая первичная его форма.* Безусловно, это только гипотеза, однако

имеющиеся источники требуют того, чтобы она была рассмотрена.

В работе Д.Н. Беликова опубликован «Список населенных мест Кольванской области», присланный из Кольванского областного правления в Барнаульское духовное правление в апреле 1782 г. В этом списке среди деревень Сосновского ведомства (включавшего деревни Верхотомского дистрикта), приписных к Кольвано-Воскресенским заводам значится деревня *Немирова* [49, с. 122]. И это не было типографской ошибкой. Аналогичный список приведен в «Росписи селениям и деревням», отошедшим из Томского в Кузнецкий уезд, составленный в июне 1782 г. В нем деревня Кемерова также указана как Немирова [50, л. 60б.]. Вполне очевидно, что речь идет об одном документе, составленном в нескольких копиях. Данный документ интересен тем, что доносит до нас названия некоторых населенных пунктов, отличных от их наименования в материалах состоявшейся в этом же году IV ревизской переписи [51]. Так, деревня Ерофеева в ревизской переписи значится как Колмогорова, Шепелева – Усть-Унгинская, Бородина – Елькаева, Плешкова при речке Уньге – Плотникова (?). Как в третьей (1763 г.), так и в четвертой ревизских переписях значится деревня Усть-Искитимская (с 1918 г. – город Щегловск). Однако в «Списке населенных мест...» 1782 г. она не значится, зато упоминаются неизвестные ревизской переписи деревни Попова и Салтыкова. В 1763 г. в д. Усть-Искитимской одиноко проживал Иван Михайлович Салтыков, 83-х лет [52, л. 975об.]. Вторая ревизская перепись (1747 г.) зафиксировала среди пашенных крестьян Верхотомского острога (к сожалению, материалы ревизии не указывают места их проживания) И.М. Салтыкова и трех его сыновей [53, л. 451]. Это позволяет утверждать, что среди основателей (после 1734 г.) деревни Усть-Искитимской была семья И.М. Салтыкова, по фамилии которого поселение носило второе название. Судьба детей Ивана Михайловича нам неизвестна, а после его смерти Салтыковых в деревне не осталось, вследствие чего в дальнейшем данное название населенного пункта не закрепилось.

В упоминавшейся «Дозорной книге Томского уезда» 1703 г. указывается, что пашенные крестьяне Верхотомского острога проживали в деревнях Щегловой («вверх по Томи»), Макаровой (вниз по Томи, на речке Стрельной), а также «вниз по Томе реке на усть речки Глубокой» [54, л. 531об.–533]. Названия за первыми двумя деревнями не закрепились, Щеглова стала Красным Яром, а на месте деревни Макаровой, после выезда из нее верхотомских крестьян, возникло новое поселение – деревня Усть-Стрельная.

Проведенный анализ названий населенных пунктов позволяет заключить, что на протяжении XVIII в. характерна определенная неустойчивость в форме топонимов. Поэтому есть все основания полагать, что «Роспись селениям и деревням» 1782 г., дает нам еще

один вариант изучаемого топонима – «Немирова». Структура данного варианта однозначно свидетельствует о названии деревни по первому поселенцу. Фамилия *Немиров* образована от охранительного («апотропеического») имени Немир. Чтобы отвести зло, родители зачастую давали имена со значением, прямо противоположным тому, что ожидали или желали для детей [39, с. 217; 48, с. 165].

Быть может, Степан Кемиров был Немировым? Конечно версия, построенная лишь на одном упоминании в источниках варианта топонима, имеет слабую доказательную силу и требует, в частности, объяснения перехода антропонима «Немиров» в «Кемиров». Но как одна из рабочих гипотез, снимающая, кстати, известное противоречие в вопросе об этносоциальном происхождении Степана и носимого им антропонима, вероятно, имеет право на существование.

Существующие источники позволяют рассмотреть ещё одну версию происхождения Степана Кемирова. Управляющий Кемеровским рудником горный инженер В.Н. Мамонтов в своей работе указал ещё один вариант (наряду с Темирева) названия деревни Кемеров – *Комарова* [29, с. 7], по другим источникам нам неизвестное. В переписи пашенных крестьян Верхотомского острога 1700 г., проведенной О. Качановым, указан *Стенька Каморов* с двумя сыновьями [55, л. 104] (список составлен З.Я. Бояршиновой; подлинник нами *de visu* не изучен), который отсутствует

в списке пашенных крестьян Верхотомского острога 1703 г. Степан Кемиров с двумя сыновьями, наоборот, известен переписи 1703 г., но отсутствует в переписи 1700 г. Может быть, Степан Комаров и Степан Кемиров – одно и то же лицо? В свете сообщения В.Н. Мамонтова о варианте названия деревни данная версия, на наш взгляд, имеет право на существование.

Состояние источниковой базы и опыт историографии позволил прийти автору к следующим выводам: топоним происходит от антропонима Кемиров; первый известный носитель фамилии, пашенный крестьянин Степан Кемиров, по происхождению являлся великороссом, а не представителем местного татарского населения; форма антропонима Темиров (русская фамилия тюркского происхождения) вторична, возникла в русскоязычной среде, в результате «народной» этимологии; форма антропонима Кемиров не находит удовлетворительной этимологии ни в русской, ни в тюркской антропонимической системе (в качестве рабочих гипотез, на основании косвенных данных источников, возможно предположить происхождение фамилии от первоначальной формы Немиров или Комаров).

Дальнейшие исследования, связанные как с расширением привлекаемых исторических источников, так и изучением лингвистических взаимовлияний русской и тюркской антропонимических систем, позволят приблизиться к решению поставленной задачи.

Библиографический список

1. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1932. – № 22. – Ст. 136.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. р-22. – Оп. 1. – Д. 192.
3. ГАКО. – Ф. р-18. – Оп. 1. – Д. 197.
4. Ваншток, А.С. 230 лет со дня открытия Кузнецкого каменноугольного бассейна / А.С. Ваншток. – Кемерово, 1951.
5. Балибалов, И.А. Кемерово / И.А. Балибалов. – Кемерово, 1957.
6. Щербинин, С.Н. 50 лет Кемеровскому руднику / С.Н. Щербинин. – Кемерово, 1957.
7. Мурзаев, Э.М. Словарь местных географических терминов / Э.М. Мурзаев, В.Г. Мурзаева. – М., 1959.
8. Рехлов, В.С. Повесть о Михайле Волкове / В.С. Рехлов. – Кемерово, 1960.
9. Воробьева, И.А. Названия населенных пунктов Кемеровской области (на современном этапе и в их истории) / И.А. Воробьева // Ученые записки Кемеровского гос. пед. ин-та. – Вып. 26. – Кемерово, 1971.
10. ГАКО. – Ф. п-483. – Оп. 1. – Д. 166.
11. Балибалов, И.А. Кемерово / И.А. Балибалов. – Кемерово, 1962.
12. Балибалов, И.А. Берег Михайлы Волкова / И.А. Балибалов // Огни Кузбасса. – 1987. – №3.
13. Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. – М., 1966.
14. Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. – М., 1984.
15. Большая Советская Энциклопедия. – М., 1973. – Т. 12.
16. Воробьева, И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби / И.А. Воробьева. – Томск, 1973.
17. Воробьева, И.А. Язык земли: о местных географических названиях Западной Сибири / И.А. Воробьева. – Новосибирск, 1973.
18. Колесников, А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. / А.Д. Колесников. – Омск, 1973.
19. Могильников, В.А. Кемерово. История названия / В.А. Могильников // Русская речь. – 1993. – №4.
20. Балибалов, И.А. Кемерово. Вчера. Сегодня. Завтра / И.А. Балибалов. – Кемерово, 1982.
21. Губин Л. «Горелая гора» Михайлы Волкова / Л. Губин // Вокруг света. – 1983. – №1.
22. Карпенко, З.Г. Кемерово / З.Г. Карпенко // Историческая энциклопедия Кузбасса: в 3 т. – Т. 1: А–К. – Познань, 1996.
23. Шабалин, В.М. Тайны имен земли Кузнецкой. Краткий топонимический словарь Кемеровской области / В.М. Шабалин. – Кемерово, 1994.
24. Шабалин, В. Тезки / В. Шабалин // Кузбасс. – 1998. – 20 нояб.
25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 214. – Кн. 1371.

26. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. д-173. – Оп. 1. – Д. 13.
27. РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 2. – Д. 3582.
28. Каталог фондовых материалов Западно-Сибирского геологического треста. – Томск, 1935.
29. Мамонтов, В.Н. Кемеровское месторождение каменного угля на р. Томи Алтайского округа ведомства Кабинета Его Величества (отчет о разведках) / В.Н. Мамонтов. – Томск, 1910.
30. Ремезов, С.У. Чертежная книга Сибири / С.У. Ремезов. – СПб., 1882.
31. С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы / подготовка текста и вступительная статья Н.Н. Степанова. – М., 1966.
32. Элерт, А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988.
33. Герасимов, А.Н. История Кемеровской области: книга для чтения / А.Н. Герасимов, С.А. Герасимова. – Кемерово, 2007.
34. Долгих, Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б.О. Долгих. – М., 1960.
35. Бояршинова, З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века / З.Я. Бояршинова // Труды Томского ун-та. – Томск, 1950. – Т. 112.
36. Суперанская, А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М., 1985.
37. Гафуров, А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков : словарь / А. Гафуров. – М., 1987.
38. ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XV.
39. Веселовский, С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. – М., 1974.
40. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. // Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. – №173. – Л., 1988.
41. Никитин, Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века / Н.И. Никитин. – Новосибирск, 1988.
42. Мосин, А.Г. Уральские фамилии: материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии / А.Г. Мосин. – Екатеринбург, 2000.
43. Адливанкин, С.Ю. Краткий очерк истории праславянской фонетики : учеб. пособие / С.Ю. Адливанкин. – Пермь, 1973.
44. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. д-1. – Оп. 2. – Д. 1238;
45. ЦХАФ АК. – Ф. д-2. – Оп. 1. – Д. 8285;
46. ЦХАФ АК. – Ф. д-169. – Оп. 1. – Д. 229, 829.
47. ЦХАФ АК. – Ф. д-169. – Оп. 1 – Д. 829.
48. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. д-156. – Оп. 1. – Д. 4978–4984.
49. ГАКО. – Ф. д-15. – Оп. 1. – Д. 1.
50. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Томская губерния. – СПб., 1868.
51. Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии: пер. с англ. / Б.О. Унбегаун ; общ. ред. Б.А. Успенского – М., 1995.
52. Беликов, Д.Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: (общий очерк за XVII и XVIII столетия) / Д.Н. Беликов. – Томск, 1898.
53. ГАТО. – Ф. д-50. – Оп. 1. – Д. 353.
54. ЦХАФ АК. – Ф. д-169. – Оп. 1. – Д. 229.
55. ЦХАФ АК. – Ф. д-1. – Оп. 1. – Д. 328.
56. РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 2. – Д. 3579.
57. РГАДА. – Ф. 214. – Кн. 1371.
58. ГАТО. – Ф. р-1863. – Оп. 1. – Д. 178.